

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АЛБЕТКОВА, Р. И. *Русская словесность. От слова к словесности. 5 кл.: уч. пособие.* М.: Дрофа, 2013. 206 с.
2. БЕЛОВА, Н. А. Научно-методическая подготовка студентов-русистов к интеграции филологических дисциплин в школьном образовании: *автореф. док. пед. н. М.* 2008..
3. БЕЛОВА, Н. А. Осуществление принципа интеграции при изучении филологических дисциплин в школе. *Филологическое образование*, 2003, № 1. С. 131–134.
4. БОЧКОВА, Н. В. Итеграция в обучении русскому языку в средней школе. *Ученые записки Орловского государственного университета.* 2008. № 3. С. 171-176.
5. ДЕЙКИНА, А. Д. Межпредметные связи русского языка и литературы и пути их реализации. *РЯШ.* 1979. № 3. С. 14-19.
6. ИБРАГИМОВ, Г.И. *Формы организации обучения: теория, история, практика.* Казань, 1998. 328 с.
7. МАТКИН, В.В. Межпредметные связи при обучении русскому языку и литературе. *РЯШ.* 1976. №3. С.52-54
8. ПЛАТОН. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. ЛОСЕВА и В. Ф. АСМУСА; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.
9. Ghid de implementare a curriculumului Русский язык и литература для гимназий с русским языком обучения (V-IX классы). Chişinău, 2019. http://guogagauzii.md/images/ghid_limba_rusa_gimnaziu.pdf (vizitat 21.03.2021).
10. Curriculum Național. Disciplina Русский язык и литература для гимназий с русским языком обучения (V-IX классы). Chişinău, 2019. http://guogagauzii.md/images/ghid_limba_rusa_gimnaziu.pdf (vizitat 21.03.2021).

ОСМЫСЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИСТОРИКО- БИОГРАФИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ (А.С. Пушкин «Торжество Вакха» и «Вакхическая песня»)

THE IMPLEMENTATION OF THE ARTISTIC TEXT IN THE HISTORICAL, BIOGRAPHICAL AND CULTURAL CONTEXT (AS Pushkin "Triumph of Bacchus" and "Bacchus Song")

*Ольга Герлован, доктор филологии, конф.
КГИУ «Ион Крянгэ»*

*Olga Gherlovan, PgD, Associate Professor,
SPU "Ion Creanga", Chisinau
ID ORCID [0000-0001-9807-9391](https://orcid.org/0000-0001-9807-9391)*

CZU 821.161.1.09

Abstract

The article presents the analysis of A.S. Pushkin's poems "Triumph of Bacchus/ Торжество Вакха " (1818/1826) and "Bacchus Song/ Вакхическая песня " (1825/1826). The interpretation of these works is carried out from hermeneutic positions, which take into account the history of the text and the totality of circumstances that affect the semantic content of the text. In the article it is demonstrated how the understanding of an art work changes when referring to the historical, cultural, biographical, literary contexts.

Key-words: interpretation of the literary text, context, contextual-immanent approach, hermeneutic positions, semantic reading, dominant image.

Rezumat

Articolul analizează poeziile lui A. Pușkin "Triumful lui Bacchus/Торжество Вакха" (1818/1826) și "Cântec Bahic/Вакхическая песня" (1825/1826). Interpretarea acestor lucrări se realizează din poziții hermeneutice, care iau în considerare istoria textului și setul de circumstanțe care afectează conținutul semantic al textului. Autorul demonstrează cum se modifică conținutul semantic al textului atunci când se face referire la contextul istoric, cultural, biografic și literar.

Cuvinte-cheie: înțelegerea unui text literar, context, abordare contextual-imanentă, poziții hermeneutice, citire semantică, imagine dominantă.

«О контексте... обычно знают только то, что он как-то меняет данный текст. Но как именно он меняет и какова эстетическая и логическая сущность этого изменения? Здесь обычно мало кто задумывается» [5, с. 19]. Это высказывание А.Ф Лосева в какой-то мере определило тему и цель нашего небольшого исследования: попытаться определить суть изменения смысла художественного произведения при привлечении биографического и культурного контекста для его понимания, т.е. как меняется осмысление художественного произведения при обращении к историко-культурному, биографическому, литературному материалу. Попыткой ответа на вопрос ученого станет наше обращение к осмыслению стихотворений А.С. Пушкина «Торжество Вакха» (1818/1826) и «Вакхическая песня» (1825/1826). Однако прежде чем мы обратимся к прочтению-осмыслению названных произведений, считаем необходимым сделать ряд замечаний, касающихся нашего подхода к рассмотрению произведений.

В изучении названных произведений мы будем использовать контекстуально-имманентный подход (если можно так выразиться), несмотря на то, что исследователи типологически выделяют два подхода – имманентный и контекстуальный: «Первый исходит из представления о том, что сущность искусства скрыта в самом тексте и каждое произведение ценно тем, что оно есть то, что оно есть. <...> Второй подход подразумевает взгляд на произведение как на часть, выражение чего-то более значительного, чем самый текст: личности поэта, психологического момента или общественной ситуации» [6, с. 28]. В качестве аргументов в правомочности нашего подхода может служить сам текст как многомерное и многомысленное явление, а также суждения, мнения ученых продемонстрировавших в своих работах суть данного подхода. Прежде всего следует назвать М.М. Бахтина, который в своей работе «К методологии гуманитарных наук» тезисно наметил данный подход, несмотря на то что не дал сколько-нибудь развернутых определений: «Историчность. Имманентность. Замыкание анализа (познания и понимания) в один данный текст. Проблема границ текста и контекста. Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами. Комментирование. Диалогичность этого соотнесения» [1, с. 363–364]. Ю.М. Лотману принадлежит замечательное суждение: «Генерирование новых смыслов — доминирующий аспект той работы, которую выполняет художественный текст в системе культуры» [6, с. 211].

Современный исследователь Ю.Н Чумаков в своих работах вводит понятие «контекстуальная имманентность». Он акцентирует внимание на том, что «погружение в вещь не исключает ее контекста...». «Контекстуальная имманентность - объясняет ученый, - подразумевает неочевидное вложение в рассматриваемый текст различных знаний, интуиций и чувственного опыта». И делает вывод: «Таким образом, текст

имплицитно множество ценностей и смыслов, концентрирует их и нагружается ими» [11, с. 11–12].

Полагаем, что любое прочтение/изучение художественного произведения должно стремиться к объективности, к пониманию авторского горизонта, картины мира, авторской интенции, что предопределило и наше следование в своей работе ряду принципов (по Э. Бетти): автономности объекта (имманентная логика существования), когерентности значения (целостность внутренних связей объекта), актуальности значения (включенность в интеллектуальный горизонт читателя). Наше осмысление названных произведений будет осуществляться с герменевтических позиций, которые учитывают историю текста и совокупность обстоятельств, влияющих на смысловое наполнение текста.

Стихотворение А.С. Пушкина «Торжество Вакха» (1918, опубликовано в 1826) [10, с. 186] одно из замечательных явлений в лирике поэта, которое наряду с другими антологическими стихами поэта привело «в восторг всю читающую публику, особенно молодежь нашу, архивную, университетскую» (М.П. Погодин). Исследователи отмечали нашедшее выражение в стихотворении «замечательное знание деталей Вакхова культа» поэтом, что могло быть обусловлено влиянием лицейского профессора Н.Ф. Кошанского, опубликовавшего «Ручную книгу древней классической словесности», в которой была представлена характеристика Вакхова культа, знакомством с «памятником учености» эпохи Просвещения «Энциклопедией или толковым словарем наук, искусств и ремесел» Дидро и д'Аламбера, альбомом гравюр с лучшими картинами Эрмитажа (1805-1809), произведениями Катулла, Овидия и др. Вместе с тем, стихотворение отличается и замечательным поэтическим решением античной темы, которая наполняется, углубляется смыслами действительной жизни русского поэта XIX века.

Обратимся к актуализации художественного текста. Стихотворение нестрофично, но оно четко композиционно делится на четыре тематические части: 1) экспозиция – возникающее вопросительное недоумение; 2) ответ на возникшие вопросы; 3) картина празднества; 4) своеобразный эпилог – обращение лирического героя к друзьям. В начале стихотворения читатель не видит самого праздничного действия, а только слышит его приближающийся «чудный шум и неистовые клики», затем мы видим «радостные лики» поющих поселян. Все четверостишие состоит из вопросительных предложений, поскольку все это вызывает удивление, любопытство и желание узнать причину происходящего. Начало второй строфы – своеобразный ответ: *«В их круге светлая свобода //Прияла праздничный венок»*. И вот, наконец, главное событие празднества - явление Бахуса, приветствовать которого собрался весь народ: *«Вот он, вот сильный бог! //Вот Бахус мирный, вечно юный!»*. Состояние радости, ликование передано обилием восклицаний, призывов, побуждающих к действию и выражению эмоций, выступающих своеобразным рефреном всего стихотворения: *«Эван, эво! Дайте чаши! //Несите свежие венцы! //Невольники, где тирсы наши? //Бежим на мирный бой, отважные бойцы!»*. Это четверостишие повторяется трижды: открывает и

завершает динамичное живописное описание кульминации празднества и завершает все стихотворение.

Замечательна созданная художником слова картина собственно торжества, представляющая собой живописное полотно. На переднем плане явлен Царь торжества Вакх - *«Державный тирс в его руках, // Венец желтеет виноградный // В чернокудрявых волосах...»*, - восседающий на колеснице, запряженной «младыми тиграми», окруженный эротами, фавнами, сатирами. На среднем плане предстает (возникает) праздничная процессия, центром (героем) которой является образ *«недвижного Силена»*. На заднем плане – *«берег отдаленный»*, где *«Власы раскинув по плечам, // Венчаны гроздьем, обнажены // Бегут вакханки по горам»*. Эта часть картины передает апогей празднества, когда чувства, страсти, эмоции просятся наружу, их уже невозможно удержать, что проявляется в *«волшебной пляске»*, *«сладострастных напевах»*, во *«вдохновенных движениях»* - *«промчались, летят, свиваются руками»*, во всем внешнем облике – *«перси дышат вождельем»*, *«очи, полные безумством и томленьем»*, в звуковой реакции – *«вопли раздаются»*. Этому состоянию безудержного веселья, счастья, радости вторит природа.

Воссозданная картина празднества, передающая высокий эмоциональный регистр, чрезвычайно подвижная, живая, что достигается динамичностью зрительных, звуковых образов, обилием глагольных форм, передающих движение. Направление нашему визуальному движению по словесному полотну задают и авторские указания: *«Вот он, вот Вакх»*, *«За ним теснится...»*, *«Там дале вижу...»*, *«Но воеет берег отдаленный»* и *«Но вот рассыпались – по холмам и полям»*. В стихотворении чрезвычайно ярко проявилось «мастерство словесного живописания» (Б. Томашевский) поэта.

Следует особо остановиться на повторяющейся части стихотворения – рефрене, который подчеркивает атмосферу античного праздника (пира) и в котором звучит призыв, побуждение лирического героя к *«мирному бою»*, обращенное к своим «союзникам». Оксюморонное сочетание раскрывается, объясняется описанием примечательного события, когда один из свиты Вакха «упадает», «оступившись», и *«бархатный ковер полей // Вином багровым обливает // При диком хохоте друзей»*. «Бой» этот примечателен и тем, что здесь *«Вино струится, брызжит пена, // И розы сыплются кругом ...»*. Поэт использует традиционные для описания боя слова, но не в традиционном их сочетании: поля, залитые кровью, кровь струится, стрелы, копья сыплются, воин падает, сраженный копьем. Ю.М. Лотман отмечает, что тема пира чрезвычайно значима для всего творчества Пушкина. «Тема пира – это тема дружбы» («И на пирах разгульной дружбы», «садились за дружелюбные пиры») [6, с. 227]. Ассоциативный ряд пира – веселье, вольность, свобода, братство, праздничный стол, круг братства, чаши.

Заметим, что, как отметил А.С. Гришин, Пушкину «удалось объединить разрозненные элементы пиршественного мира античной лирики, русской литературы XVIII века и своих современников в органическое единство, имя которому

пушкинский, русский пиршественный мир» [3, с. 32]. И данное стихотворение может служить этому подтверждением.

В нашем стихотворении важное значение приобретает еще один символ. «Мирный бой» завершается «мирной победой», символом которой выступает «*тирс*», обозначенный в данной функции, как символ, самим автором. Слово «*тирс*» используется в стихотворении шесть раз, что позволяет говорить о его лейтмотивной функции, смысловой доминанте. На эту деталь обратил внимание М.Ф. Мурьянов, исследовавший этимологию слова, историю архетипа «*тирс*» и отметивший самостоятельность Пушкина в его использовании. Надо заметить, что ни у одного из его предшественников, обращавшихся к вакхической тематике, нет апелляции к данному образу. По мнению ученого, поэт увидел самые существенные функции античного культа Вакха. *«Вакх – это потенция, производящая мистическое исступление, благодаря которому человек приходит к инициации в общество избранных, к мудрости, к философии. Символом всепобеждающей потенции Вакха и был тирс, утвердившаяся в этом культе разновидность волшебного чудесного жезла»* [8, с. 12]. Более того, этот образ использовался греками, когда они описывали «заразительность философского энтузиазма» [8, с. 14]. Все это, вероятно, может объяснить закономерность (органичность) появления своеобразного эпилога – обращение к друзьям, «обществу избранных», с призывом бросить «забвению суеты». Таким образом «*тирс*» наделяется дополнительным смыслом: выступает символом братского союза, союза друзей, а в контексте лицейских стихотворений, в которых используются доминантные образы пира, Вакха, чаши - лицейский союз. Более того, именно в данном контексте стихотворение воспринимается именно как отражение/выражение мироотношения молодого человека, открытого миру во всех его проявлениях, жаждущего дружеского участия, чувств, свободы проявления этих чувств и для выражения использует культурный образный язык поколения. Заметим, И.И. Толстой отметил, что античность первоначально воспринимается Пушкиным в аспекте мифологической символики, как некоего классового шифра, воспринятого дворянством запада, а затем станет приметой гражданской лирики [13]. Стихотворение было написано в декабре 1817 – январе 1818 года и отражало состояние молодого поэта, жаждущего познания полноты жизни в самых различных ее проявлениях [7, с. 26].

Однако оно не было опубликовано в этот период. И лишь спустя восемь лет, в 1826 году, оно предлагается в печать. Этот факт нам представляется замечательным для того, чтобы попытаться его разьяснить. Наше внимание привлек и другой факт: в это же время публикуются и стихотворения «Вакхическая песня» (написанное в 1825 году, опубликованное 1826 г.) и «19 октября» (1825), написанные в другой период и иным по мироощущению, опыту Пушкиным, если можно так выразиться. И если первое стихотворение по лирической тональности близко и в какой-то мере повторяет настроение торжества, праздника, пира «Торжества Вакха», то второе – проникнуто минорным, «осенним настроением», оплакивающим первые утраты друзей лицейского круга (смерть Н.А. Корсаков), разлуку с друзьями.

Стихотворение «Вакхическая песня» [10, с. 352] открывается вопросительным предложением «*Что смолкнул веселия глас?*», что свидетельствует о желании лирического героя прервать наступившее время безмолвия: глагол «смолкнул» вносит семантику молчания. Кроме того, прозвучавшим вопросом лирический герой как бы возвращает адресатов к прошлому времени, которое не так далеко и которое было наполнено живительными эмоциями. Использование церковнославянской лексики «веселие», «глас» придают событию семантику радости и некоторую торжественность. Следующих восемь восклицательных предложений передают настроения ликования, радости, к которому призывает герой через глаголы в повелительном наклонении: «*раздайтесь*», «*наливайте*», «*бросайте*», «*подыдем*», «*содвинем*». Четыре раза автор использует церковнославянизм «*да здравствует*», который передаёт не только семантику повеления, но провозглашает надежду и веру. Все стихотворение воспринимается как призыв, побуждение к действию, в котором автор видит надежду и выход из этого состояния «молчания». «Вакхическая песня» — ритуальный гимн в честь солнца, исполняемый в конце ночного пира, в момент солнечного восхода» [6, 228]: «*Да здравствует солнце, да скроется тьма!*». Вся образность стихотворения сближает с произведением «Торжество Вакха»: «вакхальны припевы», «нежные девы» и «юные жены», «густое вино», «звонкое дно», «кольца», «стаканы», «музы», «солнце», которые выступают элементами символа «пира». Необходимость смены ночи днем в вакхическом ритуале здесь находит выражение в необходимости победы «разума», «солнцем бессмертным ума», над «ложной мудростью». Для лирического героя нет сомнения - «ясный восход зари» неминуем. Можно только догадываться и предполагать, что и кто стоят за этими образами.

Все это наводит на определенные мысли: стихотворения «Торжество Вакха» и «Вакхическая песня» в данном контексте, публикации в одно время, наполняются и иным смыслом, нежели просто как, в первом случае, отражение «античного культа бога Вакха и его мифологического окружения» [9, с. 71], позволившее передать внутреннее состояние поэта, жаждущего впитать в себя все краски, звуки, образы, страсти жизни, и, во втором случае, вакхический гимн.

1826 год – это год, когда решалась судьба многих друзей и близких знакомых Пушкина, участников тайных декабристских обществ и Декабристского восстания, поэтому так важно было для поэта подчеркнуть состояние единения, сопричастности к судьбам своих друзей, желание поддержать и приободрить в скорбной ситуации, что находит выражение и в созданных чуть позже стихотворениях – «Во глубине сибирских руд...» (1827), «Арион» (1827). Но этот настрой проявляется уже и в наших стихотворениях, если осмыслять их с учетом времени публикации. Вероятно, поэт решает опубликовать стихотворение «Торжество Вакха» (1818) с тем, чтобы напомнить о вечном дружеском союзе, о котором особо скажет в стихотворении «19 октября» (1825/1826):

*Друзья, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен...* [10, 355].

Социально-исторический, биографический контекст служит смыслопорождению гипотетически присутствующего в эпилоге «Торжества Вакха» и в «Вакхической песне» подтекста: оптимистически звучащее обращение к реальным «отважным бойцам» с целью поддержать этих действительных «невольников», пробудить в них силу духа, веру в разумные начала через поэтический образ «союза». Это чувство идет от сопричастного к «обществу избранных», от человека, который не изменил данному «союзу» несмотря ни на что. И в этом смысле очень важен, значителен лейтмотивный образ «тирса», переосмысленный в биографическом контексте.

Безусловно, данное прочтение может быть лишь гипотетическим, поскольку нет определенного комментария, идущего со стороны поэта относительно мотивов публикации стихотворения «Торжество Вакха». Однако это может быть свидетельством того, каким смысловыми глубинами может обладать произведение в зависимости от контекста: в данном случае, времени написания и публикации, социально-исторических и биографических реалий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. БАХТИН М.М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. БЕРЕСТОВСКАЯ Д.С. *Творческий мир Пушкина и искусство*. <https://md-eksperiment.org/post/20181117-mir-pushkina> (посещение 14.03.2021)
3. ГРИШИН А. С. *Русский симпозиарх*. С. 29-54. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-simpoziiarh> (посещение 17.03.2021)
4. ГУСЬКОВА Ю.В. *Имманентный и контекстуальный подходы к литературному произведению (к истории вопроса)* //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, № 1 (2), с. 67-73. [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2013_1\(2\)/13.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2013_1(2)/13.pdf) (посещение 14.03.2021)
5. ЛОСЕВ А.Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с. ISBN 5-210-02247-1
6. ЛОТМАН Ю.М. *О поэтах и поэзии*. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с. ISBN 5-210-01563-7
7. МАЙМИН Е.А. *Пушкин. Жизнь и творчество*. М.: Наука, 1982. 209 с.
8. МУРЬЯНОВ М.Ф. *Из символов и аллегорий Пушкина*. М.: Наследие, 1996. 343 с. ISBN 5-201-13245-6
9. ПУШКИН А.С. *Школьный энциклопедический словарь* /Под ред. В.И. Коровина. М.: Просвещение, 1999. 776 с. ISBN 5-09-008817-9
10. ПУШКИН А.С. *Сочинения*: В 3 т. М.: Худ. литература, 1985. Т. 1. 735 с.
11. ЧУМАКОВ Ю.Н. *В сторону лирического сюжета*. М.: Языки славянских культур, 2010. 88 с. ISBN 978-5-9551-0429-4
12. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. / Гл. ред. Касавин И.Т. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. - 1248 с. ISBN: 978-5-88373-089-3 <https://terme.ru/slovari/enciklopedija-epistemologii-i-filosofii-nauki.html> (обращение 17.03.2021)
13. ЯКУБОВИЧ Д.П. *Античность в творчестве Пушкина*// Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 92–159. <https://www.ruthenia.ru/document/527776.html> (посещение 14.03.2021)